

О возможности и путях понимания культуры: логико-философский аспект

Kulttuurin ymmärtämisen mahdollisuuksista ja keinoista: loogis-filosofinen näkökulma

Николай Вересов

FT Nikolai Veresov tarkastelee artikkelissa eräiden kulttuurin ymmärtämistä ohjaavien näkökulmien valossa, millaisissa olosuhteissa ja mihin asti on yleensä mahdollista ymmärtää toisen kansan tai maan kulttuuria, esimerkkinä erityisesti venäläinen kulttuuri.

Введение в проблему

В этой статье речь пойдет о том, как, при каких условиях и в какой степени вообще возможно понимание культуры другого народа, другой страны, и русской культуры, в частности¹. *Что это значит - понимать культуру?* Ведь бывает знание без понимания, и бывает знание с пониманием. И в этой статье я попробую показать как вообще возможно знание Культуры и понимание ее. Так что нам с вами, читатель, придется заниматься очень трудными вещами. Иногда некоторые моменты в моих размышлениях могут показаться лишними, и даже ненужными, но это не так. Единственное, чем я могу помочь, так это примерами и пояснениями.

Начнем с того, что просто знать какие-то факты, явления, события иной² культуры (включая язык, традиции, обряды, бытовые особенности) не всегда бывает достаточно для ее понимания. Эрудиция – вещь не последняя, однако самое главное состоит в том, что необходимо *понимание самой культуры как специфического способа жизни людей*. А это очень трудно.

¹ Статья написана на основе цикла лекций о русской культуре для *финских студентов*. Однако я думаю, что она может быть интересной и для российского читателя. Ведь для россиян понимание финской культуры является задачей не менее трудной, чем для финнов – понимание культуры русской.

² Во всем последующем тексте словом «иная культура» я буду обозначать культуру другой страны, в данном случае, русскую культуру.

Почему трудно? Культура – это не только определенный способ жизни, но еще и та СРЕДА, в которой живет человек. А это означает, что я воспринимаю культуру, только когда нахожусь в ней самой. Я должен быть в ней, внутри, и это условие того, что я что-то могу понять.

Но быть в иной культуре невозможно – каждый из нас находится в своей собственной культуре. И иную культуру (когда мы с ней встречаемся, или когда нам о ней рассказывают) мы видим как бы через очки культуры своей собственной. И снять эти очки невозможно. Между прочим, это обстоятельство очень хорошо понимают культурные антропологи. Вот что писала, к примеру, знаменитый исследователь-этнолог Маргарет Мид: «До своей поездки в Самоа я хорошо осознавала, что категории описания культуры, употребленные другими исследователями, были... не очень чистыми. Грамматики, созданные ими, несли на себе печать идей индоевропейских грамматик, а описания туземных вождей – европейское представление о ранге и статусе» (Мид, 1988, с.12).

Если то же самое выразить более научным языком, то можно сказать, что для того, чтобы избежать подобных ошибок, человек должен частично абстрагироваться от позиции стороннего наблюдателя и постараться встать на позицию субъекта, за действиями которого он наблюдает, то есть осуществить то, что в этнографии называется «децентрацией». Но «децентрироваться» в полной мере вообще невозможно, поскольку каждый человек неспособен выйти за рамки своей собственной культуры, за пределы своего времени, которые в определенном смысле являются частью его самого.

Обратимся, теперь, к примеру, связанному с русской культурой. На Западе существует огромное число книг о русской культуре. Но очень часто они для русского читателя выглядят очень наивными и даже иногда смешными. Почему? Многое в этих книгах написано правильно, верно. Из этих книг можно узнать множество фактов о русской культуре. Но как только авторы переходят от описания фактов к объяснениям этих фактов, это выглядит примитивно и просто смешно. Дело в том, что есть знание, но нет понимания...

Тогда возникает вопрос: а возможно ли вообще понимание иной культуры, культуры иного народа, иной страны? А если возможно, то как это возможно? Что мы можем сделать для понимания?

Первое, что логически приходит в голову, это то, что лучший способ узнать культуру – это пожить в ней какое-то (даже достаточно долгое) время. И многие именно так и думают. Но способ этот не всегда приносит результат. Во-первых, далеко не каждый имеет такую возможность – пожить в другой культуре. А, во-вторых, есть такое понятие, как культура диаспоры. Когда мы попадаем в иную культуру, мы все равно придерживаемся культуры своей собственной (русские общаются с русскими в Финляндии, а финны – с финнами в Америке). Не каждое растение можно пересадить в другую почву, ну а человека «пересадить» в другую культуру вообще чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Так что вопрос о том, как вообще возможно понимание иной (другой) культуры – это вопрос очень сложный. Очень многие культурологи хорошо это понимали: например, Д. Фрэнгер (когда описывал первобытные культуры), или цитируемая уже М. Мид, когда исследовала культуру аборигенов (то есть вопрос все время стоял о том, когда мы можем точно сказать, что мы именно ПОНИМАЕМ культуру, иную для нас).

Но, оказывается, такая возможность все-таки существует. Попробую пояснить, что я имею в виду.

Во-первых, мы должны вспомнить, что мы с вами находимся вне русской культуры, но не **ВНЕ КУЛЬТУРЫ** **ВООБЩЕ**. Мы находимся в своей культуре. То есть, мы глядим на культуру не из безкультурного пространства – мы на одну культуру глядим из другой культуры, и это очевидный факт. И факт второй: мы (русские и финны) являемся европейцами, и у наших культур есть общие европейские корни³.

Вот тут-то и возникает соблазн начать изучать иную культуру через свою собственную (отталкиваясь от своей собственной). Но этот способ совершенно не годится, хотя на бытовом, житейском уровне мы часто так и делаем, просто сравнивая свою культуру и иную. Мы находим общее и различное. Мы сравниваем и делаем выводы. И у нас возникает иллюзия, что мы что-то в русской культуре начинаем понимать.

Опять приведу пример: Тем, кто хотел бы понять особенности русской культуры, я советую читать книгу "Беседы о русской культуре" Ю. Лотмана. И очень часто те, кто начинает ее читать, говорят мне, что эта книга написана непонятно. Мои финские студенты говорят буквально следующее: "Мы не можем ухватить ход мысли автора, хотя информации в книге очень много". А если студенты берут книгу о русской культуре какого-то западного автора, то им в этой книге все понятно... Почему? Для понимания книг Ю. Лотмана надо находиться внутри русской культуры (а мы, читатели, находимся вне ее, то есть в своей собственной культуре). И когда западные авторы начинают культуры между собой сравнивать, и на основе этого сравнения объяснять особенности русской культуры, западному же читателю эти объяснения понятны. А для русского читателя эти объяснения часто звучат наивно и смешно.

Так в чем же тут дело? Почему изучение иной культуры способом сравнения, то есть, отталкиваясь от своей собственной культуры, не всегда приводит к *пониманию*? Происходит это по одной простой причине. Для того чтобы сравнивать, нужен критерий для сравнения.

Опять приведу пример: представьте себе три картинки: круг, треугольник и воздушный шарик. Теперь скажите, какая одна из картинок здесь лишняя? Понятно, что возможны два ответа. Ответ первый: лишней здесь треугольник. Почему? Потому, что круг и воздушный шарик оба круглые, то есть они имеют одинаковую форму, и поэтому мы можем их объединить. Но возможен и второй ответ: лишней здесь воздушный шарик, потому что и треугольник и круг есть геометрические фигуры, и поэтому мы можем их объединить.

И в первом и во втором ответе мы сравниваем картинки. Только в первом случае мы сравниваем их по некоторым внешним признакам (по форме, то есть фактически формально). И это сравнение поверхностное, внешнее. А во втором случае мы сравниваем картинки исходя из **ОБЩЕЙ ИДЕИ** о геометрической фигуре, и поэтому находим нечто общее (между кругом и треугольником), хотя внешне они выглядят по-разному. Иными словами, мы оказываемся способными увидеть общее в различном. Теперь ответьте на

³ Существует точка зрения, что русская культура (как и сама Россия) является не европейской, а азиатской. С этим можно было бы и согласиться, но то, что в современной культуре России (начиная с 18 века) есть и европейские корни, сомневаться не приходится.

вопрос: в каком из двух описанных случаев мы действуем с пониманием, а в каком – без понимания?

Для того, чтобы сравнивать вещи с пониманием, должна сначала быть построена некоторая основа для сравнения, то есть некоторая идея. Так вот и нам с вами нужно построить некоторую базовую систему координат для наших рассуждений, некоторую точку опоры, которая будет понятна нам, как носителям своей собственной культуры, и одновременно она будет задавать рамки видения иной культуры.

То есть я хочу сказать, что НЕЛЬЗЯ ПОЗНАВАТЬ ИНУЮ КУЛЬТУРУ только через свою собственную. Нужно сначала создать координаты размышлений (базовую идею) а потом от нее и через нее попробовать понять разные культуры (и русскую, и китайскую, и свою собственную) именно как культуры....

Попробую сказать иначе: если мы хотим не просто получить какие-то знания о русской культуре, но сделать шаг к пониманию русской культуры, то нам нужно сделать две вещи. Во-первых, нам нужно понять, а что же такое культура вообще (то есть построить общее понятие культуры). И, во-вторых, нам нужно через это общее понятие посмотреть на различные явления русской культуры, и тогда что-то станет понятно. Или другими словами: нужно не сравнивать культуры между собой, а рассматривать их как проявления НЕКОТОРОГО ОБЩЕГО ЦЕЛОГО.

Вы можете сказать: зачем все эти сложности? Разве нельзя знакомиться с русской культурой прямо, непосредственно? Конечно, можно, можно и нужно. Но этого никогда не будет недостаточно. Давайте сейчас, завершая первую часть размышлений, попробуем посмотреть, какие элементарные ошибки мы можем допустить, если будем просто пытаться исследовать русскую культуру так сказать прямо, без всяких этих "выкрутасов".

Например, всем известно, что культура России советского периода состояла как бы из двух слоев:

- Культура официальная (идеология, пропаганда, социалистическое искусство и т.д.)
- Культура неофициальная (культура андеграунда, диссидентская литература, и т.д.)

Многие так именно и думают. И даже говорят, что официальная советская идеологизированная культура была даже и не культура вовсе, а вот неофициальная – это и была подлинная культура. Или даже больше, существует точка зрения, что официальная культура не была свободной (из-за цензуры, например), а вот неофициальная культура была свободной. И, наконец, хорошо известно, что представители неофициальной культуры подвергались гонениям со стороны властей, и, наоборот, деятели официальной культуры были властями обласканы. Короче говоря, возникает впечатление, что эти две культуры никак не пересекаются.

То, что я сейчас сказал, вы можете обнаружить в огромном количестве статей и книг о русской культуре. Назовем эту схему схемой "двух культур". И вот я должен сказать, что эта схема является чрезвычайно примитивной. Она ничего не объясняет, и даже порой только запутывает дело.

Почему? Вот несколько фактов, которые не вписываются в схему "двух культур". В так называемой "идеологизированной советской культуре" было очень много низкопробного. Но были созданы, вместе с тем, и выдающиеся произведения искусства. Например, фильм

"Летят журавли" Калатозова, роман "Тихий Дон" М. Шолохова и многое другое. Кстати сказать, выдающийся кинорежиссер Андрей Тарковский неоднократно говорил, что никогда не смог бы снять фильм, подобный "Андрею Рублеву", на Западе – там просто никто не дал бы денег на такое кино. А вот Советская власть дала.

И среди так называемой диссидентской литературы тоже было много низкопробного. Но и здесь были, вместе с тем, созданы шедевры, например "Архипелаг ГУЛАГ" А. Солженицына. Так что и культура и бескультурие существовали и в так называемой "официальной советской идеологизированной культуре", и в андеграунде.

Кроме того, неофициальная культура была на самом деле не менее идеологизирована, чем официальная (там просто была другая идеология: например, антикоммунистическая). Иными словами, в "официальной культуре" нужно было восхвалять советскую власть (и заниматься при этом творчеством), а в неофициальной – ругать советскую власть (и тоже заниматься творчеством).

Еще факты. Если исходить из схемы "двух культур", то таких представителей русской культуры, как писатель А. Горький (которого называли великим пролетарским писателем и его именем назвали даже города⁴), или поэт В. Маяковский должны быть отнесены к культуре официальной. А вот поэт и актер Владимир Высоцкий или режиссер Юрий Любимов однозначно должны быть отнесены к культуре диссидентской, андеграундной.

Но это противопоставление абсолютно неверно. Не только Горький или Маяковский, но и Любимов и Высоцкий принадлежали к культуре официальной, имели официальное признание и очень высокий официальный статус. Но, несмотря на это, исходная модель, то есть схема "двух культур" сразу заставляет нас видеть одни факты (гонения на Высоцкого, например), и не замечать другие. В. Высоцкий выезжал за границу на гастроли и для записи пластинок, был ведущим актером театра, снимался в кино и даже в культовых фильмах. Ю. Любимов, единственный из советских режиссеров вообще имел свой собственный театр (знаменитый театр на Таганке), не в смысле того, что он был владельцем театра, а в смысле того, что он мог ставить практически любой спектакль. И если это были диссиденты, то это были именно диссиденты, признанные властями и официальной культурой.

И наоборот, М. Горький жил в роскошном особняке, был обласкан властями, и даже был объявлен Сталиным "живым классиком пролетарской литературы". Но известно и то, что, несмотря на свою непоследовательность, он никогда не боялся сказать Сталину правду и спасал от Ленина и террора большевиков многих писателей и ученых, не разделявших коммунистические идеи (то есть был диссидентом, если хотите).

Эти факты (а фактов этих на самом деле гораздо больше) не вписываются в схему двух культур. Если мы ее возьмем за основу, то ничего не сможем понять, а только запутаемся. Так что эта модель (официальная культура и андеграундная) – это те самые очки, которые закрывают возможность видеть то, что было на самом деле. Все было гораздо сложнее и не так однозначно. Но, несмотря на это, в огромном количестве книг эта схема воспроизводится.

⁴ Парадокс истории: Андрей Сахаров, выступивший против вторжения советских войск в Афганистан в 1980 году, был, как известно, выслан в город Горький (ныне Нижний Новгород).

Еще одна очень распространенная схема о русской культуре заключается в том, что русская культура прошлого века состояла из двух частей: культура России и культура русского Зарубежья (особенно это относится к русской литературе). Давайте для простоты назовем эту схему схемой "двух частей культуры". Здесь мы имеем точно такую же картину, как и в первом случае – мы никогда ничего не поймем, если будем анализировать русскую культуру с этой точки зрения.

Она, эта схема, в какой-то степени отражает реальное положение дел. Действительно, вы наверняка знаете, что в 1922 году (сразу же после окончания гражданской войны в Советской России), по личному приказу Ленина, около 200 наиболее ярких представителей русской культуры (писатели, философы, профессора университетов) были высланы из страны и лишены права в нее вернуться. Их просто погрузили на пароход и вывезли из страны. На этом пароходе, кстати, в эмиграцию отправились выдающийся философ Н. А. Бердяев, был там и отец отца знаменитого писателя В. Набокова, и многие другие.

В одной книге (написанной, кстати сказать, профессором Московского Университета) я прочитал, что эти люди, покинув родину, "навсегда потеряли Россию". В другой книге я прочитал, что все как раз обстоит наоборот! Да нет, же, говорит автор книги, они-то как раз Россию сохранили, а вот Россия их потеряла. Они сохранили Россию потому, что они сами были частью России, ее культуры и остались ею (И. Бунин получил Нобелевскую премию по литературе в 1933 году за рассказы на русском языке, написанные во Франции, а И. Бродский получил Нобелевскую премию по литературе в 1987 году, живя в США). А вот те, кто остался (так называемая советская интеллигенция) – *потеряли Россию*, в частности потеряли красивый русский язык, заменив его на язык советский.

И вот опять та же ситуация. Берется некая абстрактная модель, и на ее основе делается попытка понять исторические события, связанные с русской культурой. И опять выводы формулируются не на основе понимания, а на основе искажений. Ведь из пяти русских Нобелевских лауреатов по литературе трое не принадлежали культуре Зарубежья (Борис Пастернак стал Нобелевским лауреатом в 1958 году, Михаил Шолохов – в 1965, и Александр Солженицын в 1970 году).

То есть эта схема (деление культуры на русскую и зарубежную) кажется совершенно очевидной. Но если мы возьмем за основу эту схему, то очень многого не поймем и неправильно объясним.

И, наконец, еще один пример: Россия – страна многонациональная (Советский Союз тоже был многонациональным). Сейчас в России проживает более 100 национальностей. Существует точка зрения, что коммунистическая система, официальная советская культура в массовом порядке подавляла культуры национальные, не давала им свободно развиваться. Даже говорят, что происходило насильственное внедрение русской культуры и русского языка в национальных республиках. Когда же начался распад Советского Союза, то к власти в национальных республиках пришли представители национальных культур. Например, первым президентом независимой Грузии был Звиад Гамсахурдия (писатель-литературовед), в Литве – Витаутас Ландсбергис (музыковед). А под какими лозунгами они пришли к власти? Они призывали противостоять уничтожению и подавлению национальной культуры, они говорили, что *все национальные культуры* (включая и русскую) должны развиваться равноправно.

Чем это закончилось, мы хорошо знаем. Сейчас в некоторых национальных республиках (бывших республиках Советского Союза) подавляется русская культура и русский язык (например, в Латвии и в Украине, где от 30 до 50 % населения считают русский язык родным⁵). И это некоторым кажется совершенно справедливым. Но суть дела в том, что подавление одной национальной культуры в годы Советской власти сменилось подавлением другой национальной культуры в наши дни. И в этом смысле никакого освобождения не произошло, и в этом смысле ситуация в национальных (демократических) республиках ничем не отличается от ситуации в тоталитарном Советском Союзе.

И мы никогда не сможем понять всю сложность процесса, если будем пользоваться банальными объяснительными принципами. Они уведут нас от сути дела.

Попробую теперь обобщить сказанное.

Сначала мы вместе попробуем определить, что такое Культура вообще (безотносительно к тому, русская, финская или какая-то другая). То есть мы поговорим о том, как вообще можно представлять себе культуру и как эти представления определяют наш взгляд на вещи. Я покажу на примерах, как то или иное представление развивалось внутри самой русской культуры – для примера возьму литературу и философию, ибо они есть концентрированная культура. Потом, на этой основе, мы попробуем обобщить, систематизировать наши знания по культуре России, которые у нас есть. И, может быть, сможем по иному увидеть знакомые уже факты.

Итак, нам нужно для начала выработать некоторое общее понятие о культуре вообще. Что это такое – Культура? И начать нам, видимо, следует с анализа самых общих определений культуры.

Культура и природа

Вообще, очень часто под культурой (в самом широком смысле) понимают все, что создано руками человека. В этом смысле культура противопоставляется природе. Природа – это то, что существует, так сказать, само по себе, а культура – это то, что создано людьми на протяжении истории. И в этом разграничении есть определенный смысл. И это разграничение, кстати сказать, происходит из знаменитой идеи французского философа Рене Декарта о необходимости второго рождения человека. Второе рождение – это вообще один из символов европейской культуры. Так вот, Декарт писал, что человек рождается дважды, сначала в природе (как биологическое существо, как организм), а потом он должен родиться второй раз в культуре – уже как человек, то есть существо культурное. Отсюда, кстати сказать, проистекают европейские идеи образования как специального процесса «окультуривания» ребенка, его социализации и т.д. И в этом смысле культуру называют второй природой человека.

Но эта, кстати, весьма популярная, точка зрения, то есть противопоставление культуры и природы, во многом не соответствует тому, что есть на самом деле. Почему? Ну, хотя бы потому, что далеко не все, что сделано, создано человеком, его руками, можно отнести к

⁵ Напомню, в этой связи, что в Финляндии шведский язык совершенно равноправен с финским и является вторым государственным языком.

культуре, ведь человечество создало своими руками множество вещей варварских (например, лагеря уничтожения в Советском Союзе и Германии).

Кроме того, в таком понимании культуры она противопоставляется природе: с одной стороны, природа (то, что дано нам изначально), а с другой стороны, культура (то, что создано и создается человеком). Но тогда логически получается, что природа не есть культура. Но тогда возможен вопрос: например, финскую культуру отличает особое отношение человека к природе, которое является, конечно, отношением культурным. Для финна природа – это часть культуры, часть окружающей его культурной среды, поэтому и относится он к природе соответственно. И если это так (а в этом я, например, вижу особенность финской культуры, и в этом смысле нам, русским есть чему поучиться), то тогда получается, что противопоставление природы и культуры не может служить основой для понимания ни того (культуры), ни другого (природы). То есть это противопоставление не является абсолютным. И здесь мы находим удивительное совпадение. Русский ученый Владимир Иванович Вернадский (он ввел в мировую науку понятие о ноосфере – то есть о сфере разума – на планете, и считается родоначальником экологии) писал, что природа есть часть культуры.

Так что получается, что мы не можем определять культуру однозначно через понятие природы, как то, что противостоит природе. Природа и человеческая культура находятся в более сложных связях и взаимоотношениях между собой.

Культура и цивилизация

Другой, весьма распространенный в научной литературе, подход к культуре рассматривает ее (культуру) в ее отношении к цивилизации. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что здесь существуют две крайние (противоположные) точки зрения.

Некоторые исследователи отождествляют культуру и цивилизацию, делают их синонимами. Говорят, например, о культуре (или цивилизации) Древней Греции, или о культуре (цивилизации) племен ацтеков и инков в Америке. При этом поясняется, правда, что под культурой понимается вся совокупность отношений к окружающему миру, а под цивилизацией – технические достижения культуры (утварь, инструменты, орудия труда и так далее). То есть с этой точки зрения, любая культура имеет две стороны: собственно духовную и материальную (то есть цивилизацию). Цивилизация рассматривается как материальное предметное, инструментально-вещное тело Культуры.

Противоположная точка зрения противопоставляет культуру и цивилизацию. Например, замечательный русский писатель Михаил Пришвин писал: "Цивилизация есть власть вещей, культура же – связь людей". И в этом есть глубокий смысл. Действительно, бурный рост техники очень часто приводит к тому, что она, эта техника, начинает противостоять человеку, подчиняет себе человека, превращает его в приложение к машине, к автомату, к механизму. Техника приносит благо, но разрушает человеческую душу, а это слишком большая плата за блага цивилизации.

Со всем этим трудно не согласиться. И я взял эти две крайние позиции вовсе не для того, чтобы, сравнив их, сделать вывод о том, какая из них правильная, а какая нет. Моя задача в другом. Я просто хочу показать на этом примере, что любая попытка построить понятие культуры на основе схемы "культура – цивилизация" не приводит к желаемому

результату. Любая культура, безусловно, связана с цивилизацией, но сущность культуры не исчерпывается этой связью. Поэтому нужно искать другую логику анализа.

С другой стороны, и в логике "культура – природа", и в логике "культура – цивилизация", мы отчетливо видим, что эти противопоставления не имеют смысла, если из них исключить человека. Именно человек, личность есть главное и основное понятие культуры. Нет никакого смысла рассуждать о культуре вне человека и без человека. Исключите из рассуждений о культуре человека и увидите, что рассуждение станет абсолютно бессмысленным. Понятие о Культуре невозможно построить ни в логике "культура – природа", ни в логике "культура – цивилизация". Но его можно построить в логике "человек – мир".

Замечательный русский ученый Павел Флоренский писал, что культура есть среда, растящая и питающая личность. А философ Мераб Мамардашвили (через 80 лет после Флоренского) писал, что культура есть среда усилия. Как это понимать? А понимать это следует так, что для того, чтобы оставаться человеком, необходимо совершать постоянное усилие над собой. Это усилие необходимо даже тогда, когда вообще нет никаких внешних условий для того, чтобы действовать по-человечески. А культура – это не что иное, как система приспособлений, искусственных средств, которые не просто созданы человеком (в отличие от средств природных), но которые помогают человеку оставаться человеком.

Здесь опять придется привести пример для пояснения. Что такое человеческая память? Чем она отличается от памяти животного? Она отличается тем, что у нее человеческая (культурная), а не биологическая структура. Мы, как биологические существа, не можем естественным путем помнить о чем-то вечно (и даже не можем помнить просто долго). Память как психологический механизм включает в себя не только запоминание, но и забывание. Кроме того, у памяти как психологического процесса есть определенный объем. Так что можно сказать, что забывать – естественно. Чем же отличается память человеческая? Она отличается тем, что в ней мы используем искусственные средства сохранения. Например, памятники. Памятники разного вида (памятники погибшим солдатам, памятники в честь исторических событий, и т.д.) есть специально созданные искусственные средства, при помощи которых мы способны что-то помнить дольше, чем позволяет чисто биологическая память. Между прочим, само слово памятник произошло от слова "память". В английском языке – то же самое: Memorial - памятник (от memory - память).

Иначе говоря, любая культура обязательно включает в себя систему средств, позволяющих человеку оставаться человеком, существом с человеческой (культурной) памятью, с человеческим (культурным) отношением к миру.

Итак, построить приемлемое понятие о культуре невозможно, если мы будем ограничиваться размышлениями о соотношении культуры и природы или культуры и цивилизации. Построить понятие о культуре возможно, если в центре наших размышлений будет человек. Культура – это то, что способствует построению в человеке его человеческих качеств, которые естественным путем (то есть сами по себе) возникнуть, появиться не могут. Именно в этом смысле и природа и цивилизация могут рассматриваться как части человеческой культуры. Давайте попробуем теперь, исходя из того, что мы только что установили, обратиться к вопросу о том, как можно вообще понимать эту связь "человек – культура". А понимать ее можно по-разному.

Нормативно-социологический подход к пониманию культуры

В этой части я хотел бы рассказать о подходе к пониманию сущности человеческой культуры, который можно назвать "нормативно-социологическим". В чем его суть?

Самый простой и самый очевидный факт, когда мы говорим о культуре (и когда мы начинаем о ней мыслить в меру наших сил) – это когда в одной и той же ситуации один человек ведет себя так, а другой – иначе.

Если эти два человека являются представителями одной культуры, то мы эти различия в поведении объясняем индивидуальными психологическими особенностями данных людей. А если это люди, которые представляют разные культуры, то мы очень часто объясняем различия в их поведении тем, что они ведут себя в соответствии со своими национальными культурными нормами. Например, японцы носят кимоно, а итальянцы – нет. Китайцы (и не только китайцы) едят палочками, а финны ложками.

Отсюда вытекает очень распространенная идея о том, что культура – это когда естественные вещи люди делают неестественным (искусственным способом), то есть по каким-то правилам, закрепленным в их (как мы говорим) культуре.

Значит, культура – это не что иное как система правил, норм, способов поведения, принятых в данном обществе. Эти нормы включают в себя и самые простые правила поведения (например, правила поведения за столом во время еды), и очень сложные, например, традиции, обряды, ритуалы, церемонии и так далее.

Если культуру понимать таким образом, то есть как систему общественно принятых норм и правил (отсюда и термин "нормативно-социологический подход"), то "культурный человек" – это такой человек, который эти нормы знает, принимает и выполняет. Такое понимание культуры очень широко распространено. Мы ведь приучаем детей вести себя определенным образом в определенных ситуациях. Иначе говоря, мы своих детей учим всегда и во всем следовать определенным нормам и правилам поведения. Мы радуемся, когда наши собственные дети эти нормы и правила соблюдают, и огорчаемся, когда дети ведут себя не в соответствии с этими общепринятыми нормами и правилами. Так что "нормативно-социологический подход" к пониманию культуры нам с вами хорошо знаком не из умных философских книг, а, что называется, по жизни.

Ну а если так, то давайте поговорим, что в русской культуре прошлого века мы сможем понять, если посмотрим на нее с этой точки зрения.

Возьмем для примера один очень известный исторический факт. Этот факт заключается в следующем. До революции 1917 года, большинство населения России было неграмотным (особенно крестьяне). После окончания гражданской войны большевики объявили кампанию по ликвидации неграмотности. И уже через 5 лет неграмотность была почти полностью ликвидирована. Это означает, что десятки миллионов человек научились читать и писать. Это исторический факт. Но как нам оценивать этот факт? Как понять этот факт? С одной стороны, большевики уничтожали или изгоняли из страны ученых,

деятелей культуры, а с другой стороны, решали проблему ликвидации неграмотности. Как это увязать одно с другим?

Нам кажется, что эти факты противоречат друг другу. Но на самом деле это не так. Если посмотреть на эти факты, используя понятие о культуре, то мы сможем их связать. Дело в том, что главной своей задачей большевики считали не захват власти в 1917 году, не политическую революцию, а революцию культурную. Идея большевиков была в том, чтобы создать новый высший тип человека, то есть человека, который будет жить при коммунизме, и новый высший тип культуры, так называемую социалистическую культуру. И эта культурная революция происходила таким образом, что людям целенаправленно стали навязывать новые (социалистические) нормы и правила жизни. А как можно было их навязывать? Только одним путем – через принуждение, буквально заставляя их поступать не так, как они привыкли, а так, как требуется для новой власти. И ликвидация неграмотности нужна была не сама по себе, а лишь как условие для такого принуждения. "Неграмотный человек – вне политики", – говорил Ленин. Или, иначе говоря, неграмотного человека невозможно обрабатывать идеологически.

Так что культурная революция, то есть создание нового человека, с новой моралью и новой культурой, понималось большевиками как насильственное внедрение в сознание людей новых правил, норм, способов поведения и совместной жизни. Например, было запрещено крестить детей в церкви, вместо этого их регистрировали в специальных государственных учреждениях с использованием новых (советских) обрядов. Детям даже давали новые, советские имена, такие как, к примеру, Вилен (сокращенное от Владимир Ильич Ленин), или Ким (Коммунистический Интернационал). Всем известны советские традиции устраивать демонстрации под красными флагами каждый год 7 ноября (в день революции) и 1 мая (в день солидарности рабочего класса). Ежедневная "культурная жизнь" советского человека в своей значительной части состояла из участия в такого рода ритуалах. При этом, напомню, речь шла не о создании человека, а о создании нового человека, человека для нового (коммунистического) общества, общества высшего типа.

К чему же мог привести этот колоссальный социальный эксперимент большевиков? Давайте обратимся к одному литературному произведению, написанному как раз в то время, когда в России проходила "культурная революция". Я имею в виду повесть Михаила Афанасьевича Булгакова "Собачье сердце". Поэтому я хотел бы обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Художественное произведение можно просто читать. Мы же постараемся осмыслить это произведение, вписав его в некий культурно-исторический контекст. И это позволит нам увидеть в этой повести М. А. Булгакова то, что мы можем и не увидеть, если просто прочитаем эту повесть.

Сюжет самой повести, вкратце, таков. Гениальный хирург профессор Преображенский со своим помощником доктором Борменталем путем операции на мозге превратил бродячую собаку по кличке Шарик в человека. Точнее, они сами удивились, когда после удачно проведенной операции собака стала постепенно обретать человеческий облик. И в результате появилось существо человеческого вида. Понятное дело, что профессор Преображенский и доктор Борменталь, люди культурные и воспитанные, принялись воспитывать и это человекоподобное существо, которому дали фамилию Шариков. Они учили его по-человечески одеваться, принимать пищу, не плевать на пол в квартире, не ругаться и т.д. Они терпели все его выходки (мелкое воровство, хулиганство, дурные манеры), надеясь все-таки сделать из него человека.

Другой герой повести – представитель Советской власти по фамилии Швондер тоже стал воспитывать Шарикова (в своем, правда, швондеровском, духе).

Вот что говорит профессор Преображенский Шарикову:

- Вы стоите на самой низшей ступени развития, вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы! (Булгаков, 2005)

То есть фактически Преображенский призывает Шарикова к работе над собой, к труду культурного развития, без которого, как мы знаем, никакой культуры и никакого человека быть не может.

Но Шариков работать над собой в этом смысле не желает. И самое парадоксальное состоит в том, что для него и профессор Преображенский и доктор Борменталь – это тоже не люди!

Вот что заявляет Шариков:

- Вот все у вас как на параде, - заговорил он, - салфетку - туда, галстук - сюда, да "извините", да "пожалуйста-мерси", а так, чтобы по-настоящему, - это нет.

Или в другом месте:

- Да что вы все... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даете?!

Он, Шариков, в это слово "по-настоящему", то есть "по-человечески", вкладывает совершенно иной смысл. По-настоящему – это как у Швондера (который тоже делал из Шарикова человека). Вот атрибуты человека по Швондеру:

- лаковые ботинки (Шариков говорит: "Что я, хуже людей? Все ходят в лаковых ботинках!");
- документы ("Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать", – говорит Шариков);
- должность (работа);
- развлечения – игра на балалайке, пьянство и посещение цирка. ("В театр я не пойду!" – говорит Шариков, - "Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна").

Даже марксизм он, Шариков, понимает особым образом. Швондер, заботясь о политическом развитии Шарикова, дал ему книгу "Переписка Энгельса с Каутским", а вывод Шариков сделал точно по-коммунистически.

Филипп Филиппович локти положил на стол, взгляделся в Шарикова и спросил:

- Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного.

Шариков пожал плечами.

- Да не согласен я.

- С кем? С Энгельсом или с Каутским?

С обоими, – ответил Шариков.

Это замечательно, клянусь Богом... А что бы вы со своей стороны могли предложить?

- Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все, да и поделить...

Иначе говоря, получив все социальные атрибуты, Шариков начинает считать себя *человеком*. И даже задумывает жениться ("чтобы все как у людей!"). И чем более он ощущает себя человеком, тем более хамским и агрессивным становится его поведение.

Вот как говорит об этом Преображенский:

Вы знаете, какую я работу проделал – уму непостижимо. И вот теперь, спрашивается – зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

Заканчивается вся история тем, что Шариков пытается убить доктора Борменталья. Ничего другого не остается, как хирургическим путем превратить его обратно в собаку.

Вот такая повесть о человеке и культуре. Повесть, написанная в стране, в которой уже почти не было Преображенских и Борменталей, но было уже очень много Швондеров и Шариковых. И если мы это понимаем (то есть если мы впишем эту повесть в исторический и культурный контекст России), то тогда мы эту повесть сможем понять, посмотреть на нее другими глазами.

Ведь Булгаков литературно-художественными средствами исследовал вопрос о том, к чему может привести такого рода ужасный социальный эксперимент большевиков. "Культурная революция" – это не создание новой культуры (культуры высшего типа, как говорили большевики), а формирование отвращения к культуре вообще, и в результате этого – массовое производство агрессивных Шариковых, которые по приказам Швондеров делают свое страшное дело. Впрочем, Булгаков предсказал не только это. Он понял, что и Швондерам тоже придется несладко:

- Помилуйте, Филипп Филиппович, да ежели его еще обработает этот Швондер, что ж из него получится?! Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!

- Ага! Теперь поняли? Ну так вот, Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки.

Итак, Булгаков в своей повести нарисовал нам тип личности, который получается, если культуру понимать "нормативно-социологически", то есть как определенную систему норм, правил поведения, обрядов и ритуалов. И дело вовсе не в том, что эти нормы бывают культурные и некультурные. Дело в том, что если культуру понимать только и исключительно как систему норм и правил (даже самых "культурных"), результат всегда будет один и тот же. Такой тип личности будет обладать двумя основными качествами - конформизмом (то есть терпимостью к нормам своего общества) и агрессивностью, то есть нетерпимостью к нормам, традициям *чужого* общества.

Особенно страшно это в стране, где существует огромное множество национальных культур с разными, не похожими друг на друга, обрядами, традициями, правилами и ритуалами. Ведь человек, воспитанный на идее того, что культура – это те нормы, которые приняты в его обществе, воспринимает другие нормы (принятые в другой культуре), как не-культурные, антикультурные, не имеющие ценности. И отсюда – прямой путь к

национализму, национальным конфликтам и войнам (Грузия-Абхазия, Армения-Азербайджан). Мина замедленного действия, заложенная большевиками в "культурной революции", взорвалась в Советском Союзе, и он перестал существовать как государство. Это лишний раз говорит, кстати, о том, как важно серьезное отношение к проблемам культуры. Пренебрежение к культуре приводит к катастрофам (в этом смысле некоторые проявления расизма и национальной нетерпимости в Финляндии вызывает у меня серьезные опасения).

Обратимся к еще одному мыслителю, представляющему социологический взгляд на культуру. Это ученый и писатель Александр Зиновьев. Чем можно объяснить такой мой выбор? Во-первых, Александр Зиновьев – это не только философ и социолог, но и замечательный (и очень известный) писатель. Так что в этом смысле он принадлежит к русской культуре, он сам по себе есть явление русской культуры. Изучать русскую культуру прошлого (XX) века и не знать (хотя бы в общих чертах) творчество Зиновьева невозможно.

Вторая причина заключается в том, что в своих научных и литературных произведениях А. Зиновьев глубоко проанализировал советское коммунистическое общество и его культуру, так что его книги для нас могут стать своеобразными учебниками по русской культуре. Я вообще считаю этот анализ лучшим из всех имеющихся. Кстати сказать, многие свои книги он писал специально для западного читателя.

И последняя причина состоит в том, что философия (русская или финская, или любая другая) есть концентрированное выражение культуры народа. Знакомство с культурой народа, ее изучение, не может поэтому не включать знакомства (пусть беглого) с философией.

Есть, правда, еще одно обстоятельство, почему я выбрал А. Зиновьева. Он является почетным членом Академии Финляндии, и это была первая академия в мире, признавшая научный авторитет А. Зиновьева.

Начнем с рассказа о биографии А. Зиновьева, а она чрезвычайно интересна и необычна. Он родился в 1922 году в очень бедной семье, с детства голодал, но с удовольствием учился. С 1939 года (как он сам неоднократно писал), осознавал себя как абсолютного антисталиниста. И даже (что было совершенно невероятно) задумал убить Сталина. Конечно, сразу же был арестован. Середина 30-х годов были страшным временем для страны, и попасть в концлагерь на 25 лет можно было вообще за одно неосторожно сказанное слово, а тут покушение!

Дальше происходят совсем уж невероятные вещи. Зиновьев (а ему тогда было 18 лет) ухитряется бежать из тюрьмы (знаменитая Лубянка). Но самое удивительное, что его даже не разыскивали.

Началась война с фашизмом, и Зиновьев пошел добровольцем на фронт. Воевал в авиации, летчиком и имел боевые награды. После окончания войны решил продолжить свое образование и поступил на философский факультет Московского Государственного Университета. После окончания университета, блестяще защитив диссертацию, работал в Институте философии в Москве. К тому времени он был уже признанным в мире специалистом по математической логике. Так что его карьера складывалась довольно успешно, и он мог бы стать одним из тысяч профессоров советской философии.

И вот тут-то начинается самое интересное. Оказывается, что в течение многих лет, в тайне от всех, А. А. Зиновьев занимался социологическим анализом советского общества, реального коммунизма. Мало этого, он писал книгу, в которой представлял результаты этого анализа. Эта книга не была в полном смысле научной, она была художественным (художественно-социологическим) произведением, в котором в сатирической форме предстало советское общество. Это была страшная картина – картина того, что на самом деле представляет собой реальный коммунизм. Мало того, это была беспощадная (и очень смешная) сатира. Называлась эта книга "Зияющие высоты" (Зиновьев, 2000).

Здесь, вероятно, требуются пояснения. Само название книги – игра слов и осмеяние коммунистических лозунгов. В Советском Союзе везде (на улицах, на домах, и т.д.) висели лозунги, такие, например, как "Мы за мир!", "Вперед, к победе коммунизма!" и прочие (это, кстати, возвращает нас к теме "культурной революции"). Это были своего рода «клише», «шаблоны» для вдальблывания в головы советских людей. Так вот, одним из таких клише были "Сияющие высоты коммунизма". Так что, что такое "сияющие высоты" было понятно всем. А почему у Зиновьева "Зияющие высоты"? Зиять ведь может только пропасть... Становится ясно, что игрой слов "сияющие" и "зияющие" Зиновьев выражает свое отношение к коммунистическим идеям. Движение к коммунизму – это шаг в пропасть, вот как можно было бы понять название этой книги.

Разумеется, о существовании этой книги стало известно властям. Началась травля философа и писателя. В 1977 году, для того, чтобы спасти свою книгу, А. Зиновьев решает напечатать ее на Западе. Заканчивается это тем, что его вместе с семьей лишают советского гражданства и высылают за пределы Советского Союза без права возвращения⁶.

Находясь на Западе, Зиновьев продолжает работать, используя методы математической логики для анализа социальных систем различного типа. Он пишет ряд книг, такие как "Желтый Дом" (1980-1982), "Гомо советикус", "Коммунизм как реальность", "Катастрофка", "Запад" (1984-1999).

Снова позволю себе некоторые комментарии.

Для западного читателя словосочетание "Желтый Дом" ни о чем не говорит, мало ли какого цвета бывают дома? Когда Зиновьев в этой своей книге говорит, что Желтый Дом – это Институт Идеологии в Москве, просто потому, что здание этого института желтого цвета, это все равно остается непонятным. А если я скажу вам, что под названием "Институт Идеологии" Зиновьев имеет в виду Институт философии, в котором он сам долгое время работал, и который действительно был всегда окрашен в желтый цвет, то и это ничего не прояснит. Но если вспомнить, что в России "желтыми домами" всегда называли "сумасшедшие дома", то есть лечебницы для душевнобольных, то многое станет понятно. В этой книге А. Зиновьев дал совершенно точный анализ советского общества. У

⁶ Кстати, это напоминает известные события 1922 года. Вот список некоторых выдающихся представителей культуры, высланных таким же образом: М. Ростропович (выдающийся музыкант-виолончелист), Г. Вишневецкая (певица, прима Большого Театра), Иосиф Бродский (поэт, Нобелевский лауреат по литературе), А. Солженицын (писатель, Нобелевский лауреат по литературе), Юрий Любимов (выдающийся театральный режиссер). Каждым из них в отдельности могла бы гордиться любая страна... Коммунистическая партия Советского Союза называла их "отбросами общества" и лишила их советского гражданства.

этого общества две главных характеристики: господство коллективных форм жизни и тотального государственного контроля над всеми сферами жизни. Короче говоря, советское общество, по Зиновьеву, не есть общество тоталитарное (как думали многие на Западе) – это общество идеологическое. Люди давно не верят в коммунизм, но не хотят ничего менять. Идеология (коммунизм) – это то, на основе чего советское общество может оставаться обществом. Кстати сказать, именно поэтому любая критика советской идеологии (например, западными борцами с коммунизмом) вызывала протест со стороны простых людей в Советском Союзе. Это всегда казалось парадоксом: в марксистскую идеологию простые люди в Советском Союзе не верили, но когда кто-то (с Запада) начинал ее критиковать, они начинали протестовать. Зиновьев был первым, кто дал этому простое и логичное объяснение. Идеология в советском обществе существует не для того, чтобы в нее верить или не верить – просто без идеологии общество распадется и превратится в хаос. Единственная ее функция – поддерживать коллективные формы жизни людей, то есть воспроизводить общество.

Это может показаться непонятным и даже не имеющим отношения к теме, то есть к русской культуре. Но это не так. Ведь на самом деле (хотя коммунизма в России больше нет), само общество осталось тем же и таким же. Особенность русской культуры состоит в том, что практически любая идеология начинает играть в нем такую же роль, какую раньше играла идеология коммунистическая – никто в нее не верит изначально. Русские сейчас пытаются жить в условиях рыночной экономики, в условиях конкуренции, но никто в них не верит и на них не надеется, хотя все об этом говорят. Поэтому в России никогда не будет рыночной экономики в западном смысле этого слова, а будет коррупция, господство государства, отсутствие настоящей свободы для развития рынка. И это всегда будет восприниматься как норма. Понимание этого, я думаю, поможет нам более или менее правильно оценивать явления и процессы, которые происходят сейчас в России. Кроме того, нам станут понятны многие поступки и действия русских. Желтый Дом при коммунизме ничем не отличается от Желтого Дома при капитализме, сумасшедший дом везде и всегда остается сумасшедшим домом.

"Гомо советикус" – книга потрясающая. Кстати, термин "homo soveticus", который сейчас достаточно хорошо известен и широко используется, впервые ввел именно А. Зиновьев. Если говорить кратко, то в этой книге Зиновьев описал советского человека (Шарикова!), появление которого предсказал Булгаков в "Собачьем сердце".

В связи с этой книгой я приведу один пример, имеющий, как мне кажется, прямое отношение к теме, которую мы обсуждаем. Мы уже говорили о том, что в одинаковых примерно ситуациях люди действуют по-разному, и мы это объясняем особенностями их культуры или национального характера. Так вот, есть такое распространенное мнение, что с русскими очень легко подружиться, или даже не то что бы легко, а так, что русские очень быстро начинают называть человека, даже едва знакомого, другом. Иногда даже достаточно провести вечер в компании русских, как все тебя начинают называть другом, а себя твоими друзьями и т.д. Каково же бывает ваше удивление, когда на следующее утро этот твой новый друг едва способен вас вспомнить... Отсюда многие делают вывод, что с русскими легко подружиться, но друзья они не очень надежные. И это, между прочим, связывают с особенностями русского характера, славянской душой и прочими причинами, которые, конечно, ровным счетом ничего не объясняют. Замечу, кстати, по секрету, что русские говорят, что для того, чтобы подружиться с финном, нужно очень много времени и труда, что это вообще не так-то просто.

В чем же тут на самом деле, настоящая причина? Действительно ли русские не умеют дружить? Да нет, конечно, русские умеют дружить, и дружить по-настоящему. А дело здесь заключается в одной простой вещи, а именно в том, что общество в России (советское общество) было обществом идеологическим, то есть построенным на идеологии. И вот следствием этого стало то, что слова, которые человек произносит, имеют смысл только тогда, когда они говорятся. А когда они не произносятся, не говорятся, то никакого значения они не имеют. Я понимаю, что пока это кажется трудным для понимания. Поясню на примере, как это работает. Когда русский человек называет кого-то другом, то он в этот момент абсолютно верит, что так оно и есть, что этот человек – есть друг. Так что здесь слово совершенно искреннее. А вот через некоторое время (например, утром следующего дня), это слово (сказанное вчера) вообще ничего не значит. И не важно, произносилось ли оно вчера или нет, имело оно смысл вчера или нет, оно будет иметь смысл сегодня, если будет произнесено. Или скажу иначе: быть другом или называть себя другом, это совершенно разные вещи. То есть слова о дружбе к самой дружбе очень часто вообще не имеют никакого отношения. И здесь дело, разумеется, вовсе не в том, что русские безответственно относятся к своим словам. Дело здесь в том, что слова в советском обществе имели совсем другую функцию – они почти никогда не обозначали что-то, что действительно существует. Они были средством организации жизни в коллективе, группе, они просто были частью определенного ритуала, и не более того.

Это понять очень трудно, но такое использование слов очень характерно именно для русской культуры, для культуры, которая всегда (и не только при советской системе) находилась под жесточайшим давлением идеологии (то есть словесной шелухи, которую все обязаны были произносить, ни на секунду в нее не веря).

Теперь несколько слов о книге "Коммунизм как реальность". Я часто говорю своим коллегам: "Если хотите понять, что такое реальный коммунизм, то прочитайте эту книгу". До сих пор более полного и более точного анализа структуры и устройства коммунистического общества, на мой взгляд, не существует. В этой книге есть просто очень интересные вещи, которые нам могут помочь кое в чем. Например, Зиновьев пишет, что это общество (коммунистическое) невозможно реформировать, или улучшить, оно вообще никаким реформам или улучшениям не поддается. Любое изменение этого общества приводит только к одному результату – к его разрушению, то есть к катастрофе. Кстати сказать, следующая книга, которая появилась во времена перестройки, была названа "Катастрофка" (то есть перестройка - катастрофа).

Кстати, до сих пор для многих на Западе остается загадкой, почему Горбачев не был так популярен в России, как на Западе. Я даже где-то читал, что это, мол, потому, что русский народ неблагодарный, не ценит своих освободителей и так далее. А книги Зиновьева помогают понять, в чем тут настоящая причина. А она проста: реформы Горбачева внесли в жизнь общества неопределенность. То есть до перестройки в обществе все было понятно и предсказуемо (хотя, конечно, это было далеко не лучшее общество), и это было огромным преимуществом, по сравнению с обществом западным. Люди были защищены от состояния неопределенности. Перестройка принесла неопределенность, и люди оказались беззащитными перед лицом новой реальности. Отсюда и отношение к Горбачеву. На Западе, наоборот, многие годы западный мир был почти беззащитен перед Советским Союзом с его ядерным оружием и образом врага. Горбачев развеял образ врага, снял ситуацию непредсказуемости и поэтому был очень популярен на Западе.

Но вернемся к биографии и судьбе Александра Зиновьева. После столь долгих лет вынужденной эмиграции в 1999 году он, наконец, вернулся на родину, в Россию и сейчас преподаёт в Московском Университете.

В завершение нашей темы я хотел бы очень коротко дать характеристику культурно-социологических взглядов Зиновьева.

Главная идея его концепции состоит в том, что любое общество, любая социальная система может стать объектом анализа с точки зрения математической логики. Все остальные виды анализа не рассматривают общество в целом, и лишь выделяют некоторые факты и явления, не обращая внимания на другие факты и явления.

Нет и не может быть "плохих" или "хороших" социальных систем (поэтому бессмысленно говорить, что капитализм – хорошая система, а социализм – плохая, и наоборот). Хорошее и плохое – это категории не научные и не логические, а оценочные. Анализ любой социальной системы должен быть способен предсказать, к чему приведет изменение этой социальной системы.

Эти общие принципы А. Зиновьев блестяще применил к анализу советского общества – общества реального коммунизма. Каковы основные выводы, которые сделал Зиновьев?

Во-первых, советское (коммунистическое) общество – не "плохое" и не "хорошее", по сравнению с обществом западным. Я могу добавить, что современное российское общество (не-коммунистическое) тоже не стало ни лучше, ни хуже. Главное в том, говорит Зиновьев, что оно (так называемое коммунистическое общество) в своей основе соответствует общественному устройству, которое складывалось в России на протяжении многих веков. Большевизм в принципе ничего нового в организацию русского общества не принес. И опять я могу добавить к этому, что современное общественное устройство России (не-коммунистическое) ничего нового не принесло, оно тоже полностью соответствует традиционному общественному устройству в России.

Что же это за общественное устройство, которое воспроизводится неизменно, несмотря на то, что внешне общество называется коммунистическим или после-коммунистическим?

В основе любого общества, по Зиновьеву, так же как в основе любого организма, лежит клеточка, то есть минимальное явление, которое как в зародыше, содержит в себе все качества организма. Такой своеобразной клеточкой общества Зиновьев считает "коммунальность". Коммунальность есть самый простой и примитивный акт взаимодействия между двумя людьми. Коммунальность бывает двух типов.

А. Коммунальность коллективистская (когда люди вступают в отношения не сами по себе, а как члены какой-то группы);

Б. Коммунальность индивидуалистская (когда люди вступают во взаимодействие как отдельные индивиды).

В одних обществах преобладает первый тип коммунальности, в других обществах преобладает второй тип коммунальности. При этом как бы ни менялось общество, одно остается всегда неизменным – тот тип коммунальности, который в нем преобладает.

В русском обществе всегда преобладал первый тип коммунальности (отсутствие личной свободы, отсутствие индивидуальной ответственности). Поэтому русское общество легко восприняло коммунизм, ведь он соответствовал тому типу социальности, который был для России традиционным. Крестьянская община (а русские крестьяне всегда жили общинами) стала называться колхозами, вместо помещиков появились партийные начальники, но по сути дела ничего не изменилось. Ничего не изменилось и для рабочих. Раньше они работали на фабриках, которые им не принадлежали, а принадлежали капиталистам, а стали работать на фабриках, которые принадлежат государству. Русское общество адаптировало в себя коммунизм и его идеологию, в которую никто не верил.

Никакое изменение, улучшение или реконструкция советского общества невозможно, пишет Зиновьев. Изменения, которые не касаются типа коммунальности (не изменяют этот тип коммунальности) изменениями не являются. А те реформы, которые приведут к изменению этого типа социальности, приведут, тем самым, к разрушению общества. Поэтому любая попытка что-то серьезно изменить в советском обществе обречена на провал. Общество либо не изменится совсем, либо полностью разрушится.

Кстати сказать, это предсказание Зиновьев сделал в 1985 году, когда никто и представить себе не мог, что через 6 лет Советский Союз перестанет существовать. Более того, используя свой метод научно-социологического анализа, Зиновьев совершенно точно предсказал, что произойдет в мире (в том числе и западном мире) в случае распада Советского Союза. Вот как он об этом говорил (я воспроизведу не весь ход его мыслей, а только выводы). Распад Советского Союза принесет огромное количество проблем для Западного общества. Во-первых, сразу же распадется вся система социалистических стран и начнутся локальные войны, в которых Запад должен будет принять участие (Ирак, Югославия). Распад Советской системы принесет экономический кризис в страны, связанные с этой системой (все мы с вами помним экономический кризис в Финляндии в начале 1990-х годов). Нарушится мировой порядок и возрастет (а не уменьшится!) возможность ядерной войны, возрастет угроза глобального терроризма.

Таковы были некоторые научные предсказания А. Зиновьева, единственного в мире человека, который оказался способен использовать социологический и математический аппарат для анализа социальных систем.

Мне остается только добавить, что если Булгаков только литературными средствами предсказал появление общества Шариковых, то Зиновьев научными средствами описал, что получилось, когда это общество появилось. Конечно, и Булгаков и Зиновьев в этом смысле принадлежат к русской культуре, которая, как и любая другая культура, не имеет временных границ.

Итак, мы рассмотрели «нормативно-социологический» подход к пониманию культуры. Взяв за основу это понимание, мы рассмотрели некоторые особенности русской культуры. Но, вместе с тем, мы с вами отчетливо увидели и ограниченность этого подхода и этого понимания. Действительно, на основе "нормативно-социологического" подхода можно очень многое правильно понять в русской культуре и в российском обществе (пример тому – Александр Зиновьев). Многое, но не все. Но тогда возникает вопрос: а что, это единственно возможный подход к анализу культуры?

Конечно, нет. Мы с вами уже говорили, что культуру в ее отношении к человеку, можно понимать по-разному. "Нормативно-социологический" подход – это лишь один из

возможных. Есть, по крайней мере, еще один подход к пониманию культуры, который я обозначаю как "ценностный" подход. Мы обсудим сначала, что это такое – ценностный подход, а затем мы попробуем применить этот подход к анализу некоторых сторон русской культуры прошлого столетия.

Ценностно-диалогический подход к пониманию культуры

И начнем мы наш разговор со знакомства с выдающимся представителем русской культуры прошлого века философом Алексеем Федоровичем Лосевым. Лосев – явление совершенно уникальное. Едва ли можно представить себе культуру России советского периода без этого человека. Уникальность его как личности состоит в том, что он был единственным представителем культуры России "Серебряного века"⁷, которому удалось сохраниться (а это просто чудо), выжить в условиях коммунизма, в условиях, когда многие представители "Серебряного века" были изгнаны из страны и уничтожены. Таким образом, Лосев как бы протянул нить культуры "Серебряного века" до наших дней и сохранил ее от окончательного уничтожения и забвения.

Начнем мы, поэтому, с биографии Алексея Лосева. Можно сказать, что его личная судьба была отражением судьбы русской культуры в период господства тоталитарной идеологии. Он родился в 1893 году (то есть еще до русской революции), а умер в 1988 году (в годы перестройки), и это одно говорит о том, каким событиям в истории России Лосев был свидетелем.

С ранних студенческих лет он полностью посвятил себя изучению философии и классической филологии. Достаточно сказать, что он стал профессором в возрасте 30 лет. В 1932 году итальянская "Философская энциклопедия" писала о Лосеве примерно так: "выдающийся русский философ и филолог, о судьбе которого ничего не известно".

А дело заключалось в том, что в это время Лосев находился в сталинском концлагере, на строительстве Беломорско-Балтийского канала⁸. Он был осужден на 10 лет лагерей за "пропаганду религиозных взглядов". В чем же заключалась эта "пропаганда", сделавшая простого профессора филологии столь опасным человеком для советской власти? В том, что в 1930 году А.Ф. Лосев написал книгу "Диалектика мифа" (Лосев, 2001). Вот за эту научную книгу он и был так жестоко наказан. Я попробую сейчас (очень упрощая достаточно сложную концепцию Лосева о мифе) дать некоторое представление об этой книге. По Лосеву, миф представляет собой определенный способ познания окружающего мира, причем способ ненаучный. Коммунистическая идеология, по Лосеву, это просто мифология, не имеющая к науке никакого отношения. Вот что пишет Лосев о коммунистических лозунгах:

"С точки зрения коммунистической мифологии не только "призрак ходит по Европе, призрак коммунизма" (начало "Манифеста Коммунистической партии"), но при этом **"копошатся гады контрреволюции"**,

⁷ "Серебряным веком" русской культуры называется период с конца 19 по начало 20 века, когда Россия переживала невиданный взлет культуры во всех областях (поэзия, театр, философия, живопись, архитектура и т.д.). "Серебряный век" закончился, когда к власти в России пришли большевики.

⁸ Беломорско-Балтийский канал (канал, соединяющий Онежское озеро и Белое море) был местом, где отбывали срок наказания "враги народа". Об этом концлагере подробно написал А. Солженицын в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ".

"воют шакалы империализма", "оскаливает зубы гидра буржуазии", "зияют пастью финансовые акулы" и Т.Д... Кроме того, везде тут "темные силы", "мрачная реакция", "черная рать мракобесов"; и в этой тьме - "красная заря" "мирового пожара", "красное знамя" восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии" (Лосев, 2001, с. 43)

Можете себе представить, какова была реакция властей на такое заявление. Ведь марксизм называл себя наукой! А Лосев говорит, что никакая это не наука а просто самый простой и примитивный миф.

После освобождения из лагеря в 1933 году Лосев возвращается к преподавательской деятельности. Но ему запрещено заниматься философией, а тем более печатать свои произведения. Поэтому в течение 25 лет он работает "в стол", то есть пишет свои труды без всякой надежды на то, что их когда-нибудь опубликуют. Но прошли годы, умер Сталин, и началась другая эпоха. С конца 1950-х годов Лосев начинает печатать свои труды, а это свыше 30 книг! И самая глубокая его книга "История античной эстетики" в 8 томах. Об этой книге скажу лишь одно. Лосев в ней проанализировал взгляды около 800 греческих античных философов. Во всем мире до сих пор нет фундаментального труда по античной философии такого уровня, а тем более написанного одним человеком.

В мою задачу не входит анализ философских взглядов А.Ф. Лосева. Я сосредоточу внимание на том, как Лосев (и многие другие русские мыслители) понимал сущность культуры. То есть, иными словами, я сейчас хочу раскрыть еще один подход к пониманию сущности культуры, о котором я уже сказал в начале, обозначив его как "ценностный". А Лосев и был именно тем мыслителем, в идеях и философии которого этот подход получил наиболее глубокое обоснование и развитие.

С точки зрения этого подхода, в основе человеческой культуры лежит система духовных универсальных ценностей (именно поэтому мы и обозначаем его как "ценностный" подход).

У каждого человека есть некоторая система ценностей: что-то нам нравится, а что-то нет, что-то мы любим, а что-то нет, что-то мы ценим, а что-то не ценим. Вот все это есть ценности индивидуальные. Наши личностные ценности. И мы свое поведение соотносим с системой наших ценностей. Предположим, мы совершаем какой-то поступок. Делая это, мы оцениваем наш поступок как хороший или плохой. Мы его оцениваем, соотнося с системой наших внутренних ценностей. Без этого у нас бы никогда не было системы оценки того, что мы делаем. Без системы внутренних ценностей мы вряд ли могли бы оценить то, что мы делаем. Кстати сказать, у животных этой системы ценностей нет, и они вряд ли испытывают угрызения совести.... Так что у каждого из нас есть иерархия ценностей.

Но, с другой стороны, существуют ценности культурные. То есть, иначе говоря, есть вещи в культуре, которые требуют определенного отношения к себе. Например, для любой матери ее ребенок – это ценность. И *мама* для любого человека культурного есть не просто биологическая особь, которая дала тебе жизнь, а что-то больше этого. Иначе говоря, в человеческой культуре есть некоторые универсальные ценности (или иначе их называют общечеловеческими ценностями), которые, требуя к себе определенного отношения, дают возможность человеку оставаться человеком (как мы уже сказали, у животных таких ценностей нет). Какие это ценности, например?

- Дом

- Родина
- Любовь
- Здоровье
- Детство
- Счастье

И поэтому, человек становится человеком, когда усваивает эти (и не только эти, ведь приведенный список, разумеется, неполон, он принципиально открыт) ценности культуры. Иначе говоря, человек является человеком в той степени, в какой культурные ценности становятся его личными ценностями.

Чем отличается подход в понимании культуры, который мы обозначили как "ценностный" от "нормативно-социологического"? Человеческие ценности требуют определенного отношения к себе. Но выражать это отношение можно по-разному. Например, у европейских народов, когда кто-то умирает, то мы одеваем одежду черного цвета. Черный цвет – цвет траура. А в Японии цвет траура – белый, поэтому когда кто-то умирает, они одевают одежды белого цвета. То есть у нас и у японцев совершенно разные традиции, и разные обряды и церемонии. Но важно то, что через эти обряды и церемонии мы выражаем одно и то же культурное отношение – скорбь по умершему.

То есть я хочу сказать, что в разных культурах существуют разные обряды, правила, традиции. Но важно то, что этими обрядами выражается одно и то же культурное отношение, ибо человеческие культуры есть культуры – в их основе одни и те же ценности и одно и то же отношение к этим ценностям.

И именно в этом смысле русская культура ничем не отличается от культуры финской (я говорил уже том, что у наших культур общие европейские корни). И в этом смысле культуры не только могут быть понятны друг для друга, в этом смысле культуры могут взаимодействовать.

Мы сможем понять очень многие события, факты и явления русской культуры, если сможем посмотреть на них с точки зрения "ценностного" понимания сущности культуры. Несмотря на то, что в России очень долгое время официально культивировались "классовые, социалистические ценности", все равно культура, культурное пространство существовало и развивалось. Русская культура не противостояла социалистической идеологии, она просто сохранялась (через театр, литературу, музыку) и никакая даже самая социалистическая идеология не смогла ее сломать.

Понимая это (просто держа это в голове), мы можем знакомиться с теми или иными особенностями и аспектами русской культуры, и может быть, если повезет, сумеем что-то в ней понять.

Литература

Булгаков, М. А. (2005). *Собачье сердце*. М., АСТ

Зиновьев, А.А. (2000). *Зияющие высоты*. М., Центрполиграф

Лосев, А.Ф. (2001). *Диалектика мифа*. М., Мысль

Мид, М. (1988). *Культура и мир детства*. М. Мысль